

Остановился поезд: пришло Время Танцора

Руслан САГАБАЛЯН

Дожил до седых волос, а не научился отличать «семерку» от «шестерки», а «шестерку» от «пятерки»! Так я ругал себя, блуждая между плотными рядами автомобилей на площадке возле станции метро «Фрунзенская», где должен был встретиться с Вадимом Абдрашитовым. Он сказал, что будет на «семерке» цвета «марена». Что за цвет такой? Морской, что ли? Может, цвета мурены? Есть такие рыбы, кажется, с хвостами. Зайти, что ли, в рыбный магазин, спросить, а то время идет, а машин тьма тьмущая. И это называется финансовый кризис. Вон в Японии был кризис, так все на велосипедах ездили. Цвета мурены. Или марены. Или какого-нибудь другого зверя... Черт его знает. Просто какой-то парад планет. И как подумал про парад планет, вижу из автомобиля рукой машет. Невзрачный «жигуленок», а за рулем кинорежиссер пятидесяти пяти лет от роду, снявший

десять фильмов за двадцать пять последних лет.

— **Однажды вы высказали любопытную мысль об обратном пропорциональном развитии цивилизации и культуры. Мне запомнилась ваша фраза о том, что «Титаник» — не произведение культуры, а явление шоу-бизнеса.**

— Верно. Но не мысль, а просто наблюдение. У цивилизации и культуры задачи разные, в чем-то прямо противоположные. Первая нивелирует личность, усредняет ее как бы для ее же блага и комфорта, а вторая отстаивает и защищает приоритет личности, ее своеобразия, право на индивидуальность. Сегодня этот процесс — наступление цивилизации и отступление культуры — особенно актуален для нас, для России. Цивилизация привносит в жизнь единый алгоритм, единые ценности, единых кумиров. Майкл Джексон — кумир не только Америки, но и всего мира, а теперь уже и России. И в наших масштабах по известным стандартам отрабаты-

ваются собственные ценности и собственные кумиры. Так что Филипп Киркоров — это наш ответ Майклу Джексону. Цивилизация наступает, однако же мы страна, сильно тяготеющая к культуре, к духовности.

— **В начале восьмидесятых вы были уже широко известны; я хорошо помню, как ваши новые работы показывали и обсуждали на Высших курсах сценаристов и режиссеров наряду с киноклассикой. Как вам кажется, нынешнее кино — то немногое, что снимается сегодня молодыми, — отличается ли стилистически или тематически от кино того времени?**

— Разница, конечно, есть, но она в первую очередь связана с тем, что сейчас крайне мало снимается картин. Здесь наблюдается некий переход количества в качество, вернее, во внекачество — скажем так. Посему объективно оценить процесс трудно.

В отличие от наших времен, когда фильмов делалось очень много и практически любой выпускник режиссерского отделения ВГИКа мог претендовать на запуск на какой-нибудь большой студии. Более того, мог потребовать. Сейчас все это находится под слоем финансового асфальта, через который пробиться очень трудно, поэтому судить о процессе, когда нет процесса, думаю, бессмысленно. По пяти-шести картинам нельзя говорить о стилистических или тематических тенденциях.

— **А что вам запомнилось?**

— Из последних? Более всего картина П. Луцка «Окраина». «Барак» В. Огородникова показался любопытным... Я не все видел. Могу предположить, что остались какие-то накаты ленинградской школы, и все же говорить об определенных направлениях, о поколении я бы не стал. Кроме того, поколение в искусстве — понятие невозрастное, негеронтологическое. Это понятие связано прежде всего с появлением новой художественной идеи. Я считаю, что такой идеи пока нет. Идут поис-

ки, причем в сложных жизненных условиях.

— **Как вы думаете, ваши фильмы молодежь знает, принимает, понимает?**

— Наш последний фильм «Время танцора»... вы его видели?...

— **К сожалению, это единственная из ваших картин, которую я еще не смотрел.**

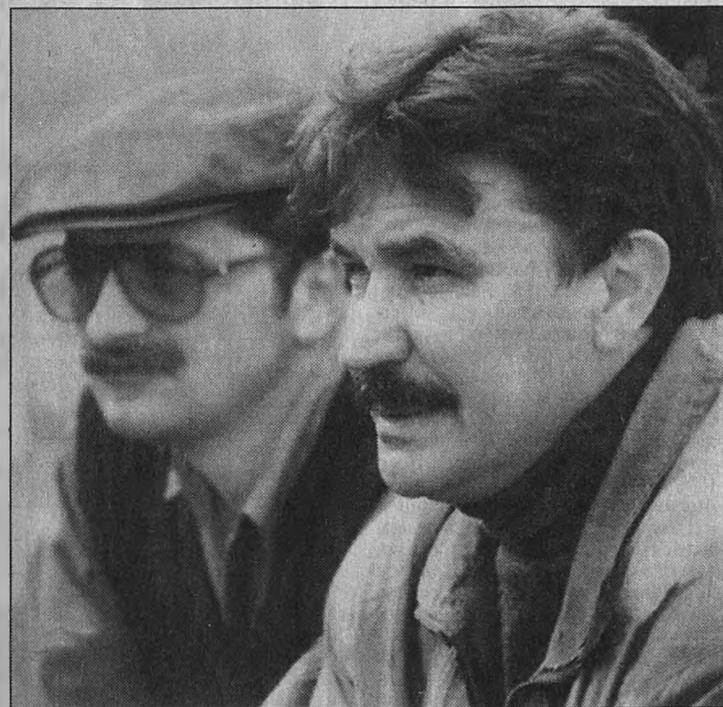
— Посмотрите. Девятнадцатого по РТР будет премьера. Так вот, его уже показывали в нескольких городах, при полных кинозалах, и было много молодежи. Я не заметил, чтобы кто-нибудь вышел из зала. Нет, с молодежью как раз все в порядке. У нас огромное количество талантливых ребят. Знаю это не понаслышке, а хотя бы по преподавательской работе во ВГИКе. Конечно, есть такие, кто платят за учебу и не знают толком, за чем им это надо. Есть разные. Но и раньше были разные.

— **Разве сейчас не больше прагматизма, расчета, конформизма, чем раньше?**

— Нет. Вы, наверное, забыли. Немало режиссеров ради званий, денег, зарубежных поездок снимали что угодно, о чем угодно. Одни умели отстаивать свои принципы, другие нет, у одних они были, у других нет. В этом смысле я бы не стал противопоставлять настоящее и прошлое. (Пауза.) Да что вы говорите! Человечу подсовывали заведомо плохие сценарии как подарок: «Совместное производство, съемки в Чехословакии, к такой-то дате». И тот, ослепленный, бежал собирать съемочную группу.

— **Уже четверть века вы работаете с одним и тем же сценаристом, Александром Миндадзе. Неужели не исчерпали друг друга?**

— Исчерпали бы, если б делали одно и то же. Но каждый раз мы как бы начинаем с нуля. Посмотрите: после «Остановился поезд» мы сняли совершенно другое кино — «Парад планет», потом третье, не похожее на предыдущие два — «Плюмбум». И так далее, вплоть до «Времени танцора», ко-

Досье «ВМ»

Вадим Абдрашитов родился 19 января 1945 года в Харькове. Учился в Алма-Атинском техникуме железнодорожного транспорта, поступил в Московский физико-технический институт, затем перешел в химико-технологический, который окончил в 1967 году. Три года отработал инженером и начальником цеха на электровакуумном заводе. Поступил во ВГИК, окончил его в 1974 году (мастерская Михаила Ромма). Более 20 лет режиссер сотрудничает с кинодраматургом Александром Миндадзе, поставив практически все свои фильмы по его сценариям — «Слово для защиты», «Поворот», «Охота на лис», «Остановился поезд», «Парад планет», «Плюмбум, или Опасная игра», «Слуга», «Армавир», «Пьеса для пассажира», «Время танцора».

Жена — профессиональный художник Нателла Тоидзе. Сын (26 лет) — физик, 19-летняя дочь учится на сценोगрафа в РАТИ (бывш. ГИТИС). Семья Абдрашитова владеет охотничьим домиком в Костромской губернии (500 км от Москвы), где настоящий кайф летом ловит общий любимец — английский коккер-спаниель Лаки.

Сейчас вместе с Миндадзе Абдрашитов работает над проектом под условным названием «На море и в небесах». Действие будущего фильма происходит в 1957 году.

который резко отличается от предыдущих наших девяти лент. Это наша самая «многонаселенная» картина. Фильм о войне, об одной из наших многочисленных, к сожалению, горячих точек. Но в ней не показана война, это история о любви и дружбе.

— **А есть новая идея или, как сейчас говорят, проект?**

— Разумеется. Идея есть, нет денег. И не знаем, достанем ли.

— **А за рубежом поработать не приглашают?**

— Приглашают. Но каждый раз предлагают не то, что нас устраивало бы. Да и зачем ездить за рубеж, чтобы снимать кино?

— **Едут же другие. Кончаловский, Митта... Или Адабашьян — «Мадо, до востребования»...**

— «Мадо»?.. Знаете, меня не интересует французская почталыонша. Гораздо привлекательнее история нашей почталыонши, если уж на то пошло.

— **Как встретили Новый год?** (Пауза. Закуривает сигарету, делает две-три затяжки, выбрасывает в окно «жигуленка».)

— С ощущением полной неопределенности. То есть происходит какая-то суета, чем-то занимаюсь, есть какие-то обязательства, но нет полного удовлетворения. Можно сделать пару театральных постановок, и это интересно. Можно поработать для телевидения. Какие-то дела на «Мосфильме». В общем, не сиюю сложа руки. Но нет главного. А главным в моей жизни остается кино.

«Время танцора». Фильм о войне — но это история о любви и дружбе. Катя — Чулпан Хаматова